

К Р О К О Д И Л

№ 29 МОСКВА 1944

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIII

ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

Рис. Кукрыняксы

ПОСЛЕДНИЙ КРИК ПАРИЖСКОЙ МОДЫ

Большой успех

ОДИН актёр, уже начавший стареть, не сыграв ни одной роли, вдруг получил роль. Правда, очень маленькую роль — всего три слова: «Пора нам действовать». Но товарищи шумно поздравляли актёра, уверяли его, что упомянутые три слова являются поворотными для всего спектакля.

Актёр начал носить галстук, регулярно стал бриться и даже нанял на стороне режиссёра-преподавателя, который должен был ему помочь вскрыть по методу Станиславского поворотную сущность роли.

За два месяца до премьеры в труппу театра был принят молодой человек, и в тот же час стало известно, что этот молодой человек получает ту самую «поворотную роль», а наш старый знакомый зачисляется во второй состав. Словом, вот вам ещё одна закулисная драма. Пострадавший актёр ходил к директору, к худ-

руку, к председателю месткома, но ничто не могло изменить положения.

27 июля шёл один из первых спектаклей, в котором ту самую поворотную фразу произнёс новый актёр. А пострадавший актёр толкался за кулисами и поглядывал на соперника с тайной надеждой заметить у него признаки появления гриппа в тяжёлой форме. Но розовощёкий соперник чувствовал себя прекрасно.

Наш обиженный герой, придя к выводу, что на земле справедливость отсутствует, уже собрался было идти домой, как вдруг к нему подбежал председатель месткома:

— Коленька, миленький, как хорошо, что ты не ушёл! Сейчас садит по Белостоку. Тебе придётся объявить публике. Не отказывайся, пожалуйста, — больше никому!..

И когда окончилась первая картина, наш Коленька вышел за занавес и объявил о взятии нашими войсками Белостока. Зал ответил громовой овацией. Коля заулыбался и даже, неизвестно почему, поклонился.

За кулисами Коля застал такую картину: его счастливый соперник приставал к актёрам с вопросом: «Как он играл?», — но ему никто не отвечал: все обсуждали взятие Белостока. Известный стратег актёрского коллектива, по ходу спектакля одетый в немецкую офицерскую форму, разложив на коленях железнодорожную карту, объяснял коллегам значение взятия Белостока и запальчиво кричал: «Мы идём на Варшаву!»

Окончился антракт, началась вторая картина. С нескрываемым злорадством Коля посмотрел, как совершенно не отмеченный театраль-

ЗЕМЛЯКИ

Рис. К. Елисева

- Откуда будете, папаша?
- Сандомирский.
- И я тоже. Из Сандомирской дивизии.

ной общественностью соперник пошёл в уборную разгримировываться. Поскольку настроение у Коли несколько поддразнилось, он решил зайти в буфет и выпить морсу. Не успел он отойти от буфетной стойки, как на него опять цапнулся председатель месткома:

— Боже мой, как хорошо, Коленка, что ты не ушёл: сейчас будет второй салют и неудобно, чтобы публике объявляли разные люди. Иди к репродуктору и запиши город...

И, как только закрылся занавес после второй картины, Коля снова появился перед публикой — и зал мгновенно затих.

— Наши войска овладели городом Станислав! — звонко крикнул Коля, вложив в эту фразу всё то, что вынес из уроков с режиссёром. И снова грянула овация, какой этот театр не слышал давненько.

Прошёл час, и радио сообщило, что наши войска овладели Двинском и Резекне. Коля сорвался с места и выскочил на просцениум. Публика, не успевшая ещё выйти в фойе, появление Коли встретила дружными аплодисментами, а затем снова притихла.

— Наши войска овладели ещё городами Двинском и Резекне! — крикнул Коля, и ещё более громовая овация сотрясла стены театра.

Во время следующей картины радио объявило о взятии Львова. Коля вышел на просцениум с покоряющей улыбкой, потом поднял руку и, постояв несколько секунд в такой эффектной позе, юн сказал только одно слово:

— Львов!

Что произошло в зрительном зале, описать невозможно. Какая-то пронзительная девица по пояс свесилась из ложи и, визгнув «Милый!», бросила к ногам Коли огромный букет цветов.

Перед самым концом спектакля радио передало приказ о взятии города Шауляй. Коля вышел на сцену вместе со всеми актёрами спектакля. Он чуть запоздал с выходом (это опоздание тоже было продумано), и когда он вышел, зал взорвался от восторга. Ему не давали говорить минут пять: зал, стоя, аплодировал. Сквозь грохот аплодисментов Коля крикнул:

— Взят город Шауляй!.

Актёры выходили из театра, и в присутствии поверженного соперника старейший и знаменитейший актёр театра обнял Колю за плечи и сказал:

— Ну, милейший, сегодня вы имели большой успех. Я такого успеха, честное слово, не имел никогда!.

В. АРДАМАТСКИЙ

ПРОСЧИТАЛСЯ

Узнав, что в плен попал фон Жаббе, воскликнул фон в соседнем штабе, Судьбу коварную кланя:

— Сегодня — ты, а завтра — я. Но он, конечно, просчитался, Как подобает пруссаку. В плену он, верно, оказался, Но в те же сутки, к вечеру!

Влад. ИВАНОВ

Действующая армия.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ЖЕНЕВА. Местные военные обозреватели отмечают, что к числу немецких потерь на Востоке надо добавить следующее: окончательно потеряны счет потерянными германским дивизиям.

РИГА. Кильки и шпроты, базирующиеся в Рижском заливе, полностью готовы к приёму на любой глубине больших партий свежих фрицев.

ОСЛО. По полученным здесь сведениям, германский подводный флот в Финском заливе пополнился несколькими новыми транспортом и другими судами. Точную цифру пополнения можно получить у русских лётчиков-балтийцев.

БЕРЛИН. В своём очередном радиообзоре Дитмар весьма остроумно заметил, что во Франции англичане и американцы трижды просчитались: 1) сопротивление немцев оказалось слабее, чем ожидали союзники; 2) у союзников меньше потери, чем они предполагали, и 3) их войска продвигаются успешнее, чем они рассчитывали.

БЕРЛИН. Отправляя очередную партию немецких генералов на виселицу, Гитлер заявил: «Я сумел поднять наш генералитет на недосягаемую высоту».

СТОКГОЛЬМ. Здесь стало известно, что одно мероприятие Геббельса по тотальной мобилизации вызвало среди германского населения большую радость. Речь идёт о закрытии части кинотеатров и сокращении выпуска фильмов. По этому поводу немцы говорят: «Лучше меньше, чем больше».

ФАКТ НА ЛИЦЕ

Рис. И. Семёнова

— Слыхал, Тойво: на нашего фюрера было покушение.

— Слыхал.

— Но он остался жив!

— Это я вижу по твоему лицу, Фриц.

УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС

— Представь, Минна, мой Руди приехал в командировку, зашёл на кухню и упал в обморок.

— Отчего же?

— Он увидел котёл.

ВОЛОСЫ ДЫБОМ

— Беднягу Фрица арестовали в парикмахерской за поражённые настроения.

— Неужели?

— Да, да. Заметили, что у него волосы стоят дыбом.

ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Гиммлер организовал полицейскую авиацию для борьбы на «внутреннем фронте».

Рис. Г. Валька

— Назад! Никакой паники! Это наша полицейская авиация бомбит!

ДВОЙНИКИ

Рис. английского художника Д. Лоу

КОГДА Геринг пропихнул своё грузное тело в полуоткрытую дверь кабинета, он увидел обычную за последнее время картинку: Гитлер сидел в кресле и нервно шевелил пальцами... Гитлер стоял у камина и тоже шевелил. И у того и у другого было по тёмному шерстяному пучку под носом, и клок волос одинаково свисал на лоб.

При появлении Геринга тот Гитлер, что стоял у камина, быстро вышел из комнаты. Другой остался сидеть в кресле.

— Ух, черт их побери, этих двойников! — отдуваясь, произнёс Геринг, вертя красной шеей в тугом воротнике. — Я себе тоже завёл одного на всякий случай. Но этого болвана надо же сперва раскормить! А у него склонность жиреть с морды и с зада и никаких отложений в области живота. Пока привязываем подушку. Ваш идиот по крайней мере вам стоит дешевле.

— Мой идиот, как вы изволили выразиться, когда-нибудь будет стоить мне жизни...

Геринг пристально взглянул в глаза собеседнику. Где-то, в самой их глубине, он уловил крупную здоровую смысла. Совершенно ясно, это был не он! То есть он, но не тот! Короче говоря, это был не Гитлер!

Но тут вошёл в комнату тот Гитлер, что уходил, и сел в кресло, а тот Гитлер, что сидел в кресле, встал и вышел из комнаты.

Герингу стало ещё жарче: — Кажется, уж мне-то вы могли бы доверять!

— Безусловно, — сказал Гитлер, сидящий в кресле.

— А вот ему как раз особенно доверяться не следует, — Геринг кивнул на дверь.

— Безусловно, — повторил Гитлер.

— Потому что, знаете, какой номер проделал мой двойничок, черт бы его побрал! Как-то утром я заезжаю к Лизхен. Швейцар, бледный, как покрывник, мямлит: «Осмелюсь доложить, там есть уже один господин Геринг!» Кидаюсь, как тигр... Лизхен падает в обморок, а эта скотина продевает жирные лапы в помочи и говорит нахально: «Я, — говорит, — для пользы дела должен понимать вас со всех сторон. Такая, — говорит, — собачья служба. Может быть, мне самому противно!»

Доложили о приходе генерала. Гитлер вздрогнул и уставился на дверь.

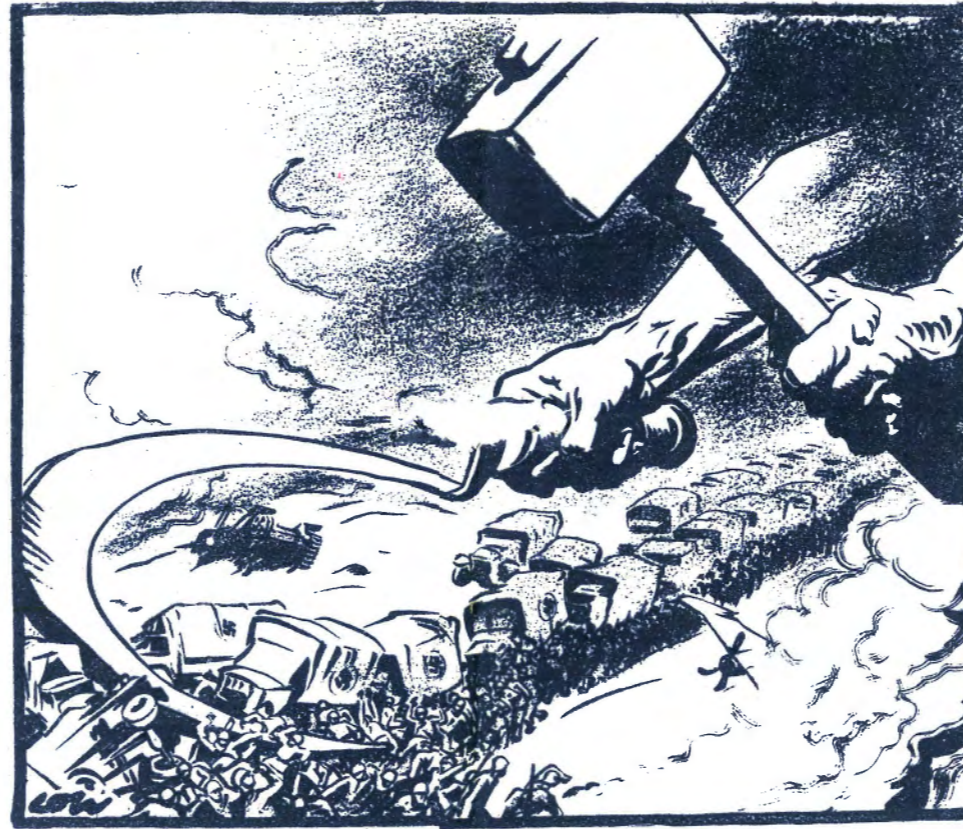
«Настоящий, — подумал Геринг. — А может, не настоящий? Двойнику тоже, небось, взрываться не хочется».

Он сказал: — Этот генерал бомбой действовать не станет. Умеренный тип. В крайнем случае у него револьвер за пазухой.

Неожиданно в комнату вошёл тот Гитлер, что уходил, и сел за стол, а тот, что сидел, встал и ушёл.

«Кажется, я догадываюсь», — смутно подумал Геринг и усмехнулся, когда генерал почтительно склонился у стола.

Однако генерал не стрелял и не бомбил. Склонившись, он делал доклад, весьма ще-

Серпом и молотом.

котливый и чрезвычайной важности. Вдруг Гитлер, сидевший у стола, прервал его и понёс такую ахинею, что генеральская лысина покрылась испариной. Геринг сорвался с места и помчался в другую комнату.

На подоконнике сидел Гитлер и ловил мух, как человек, которому надо скоротать время. — Скандаль! — зашептал Геринг. — Там почти что решается судьба, а это чучело несёт бред, бред, неразбериху!

Гитлер поймал муху, покрутил её между пальцами и сказал:

— Спохватились. Это чучело, как вы изволили заметить, не первый день несёт бред, чуть и так далее...

Весь потный, Геринг понёсся назад. Теперь Гитлер, сидящий за столом, обсуждал стратегические вопросы. Геринг прислушался. Нет, конечно же, это был подлинный. Потому-то стратегические вопросы решались именно так глупо, как всегда.

Когда генерал удалился, Геринг сказал: — От души советую: поосторожнее с двойником. А то в последний момент он вляпается на ваш самолёт — и поминай, как звали!

— В самом деле? — произнёс Гитлер. И, вопреки здравому смыслу, вместо испуга или озабоченности лицо его отразило полное удовольствие. — В самом деле? Это идея!

Геринг рванул тугой ворот и выкатился из комнаты.

«Удружил! Надуумил! Кого? Кого, черт побери! Если двойника, то он улетит себе в последний момент и оставит фюрера на бабах! А если я надуумил фюрера? И фюрер прикинется своим двойником и оставит на бабах нас?»

Геринг повернул назад, на цыпочках приблизился к двери и заглянул в замочную скважину. Ему представилась обычная за последнее время, страшноватая картинка: два Гитлера стояли спиной к двери, лицом к каминальному зеркалу. Один из них, непонятно какой, приказывал истерическим голосом:

— Головой надо вздёргнуть — так, а не так! Вот так!

А в зеркале два других Гитлера одинаково дёргали головой и одинаково вращали безумными глазами.

«Итого — четыре! Уф! Это даже для меня чересчур! — обливаясь потом, подумал Геринг. — Нет, скорей домой кормить своего двойника! Увеличу ему паёк! В последний момент подсуну его, а сам...»

Но мысль о последнем моменте показалась такой страшной и, главное, такой близкой, что он, словно спасаясь, захлопнул за собой дверцу машины и грузно рухнул на подушки.

В. КАРБОВСКАЯ

НА ПОВЕРКЕ

— Немецкие солдаты! Я должен поблагодарить перед строем отважного фельдфебеля Шмидта. Ему в бою оторвало руку, а он хоть бы что. А говорят ещё, что тотальники — плохие воины. Фельдфебель Шмидт, скажите: вы, вероятно, в пылу битвы за фюрера не почувствовали боли?

— Никак нет, господин генерал: мне оторвали деревянную руку.

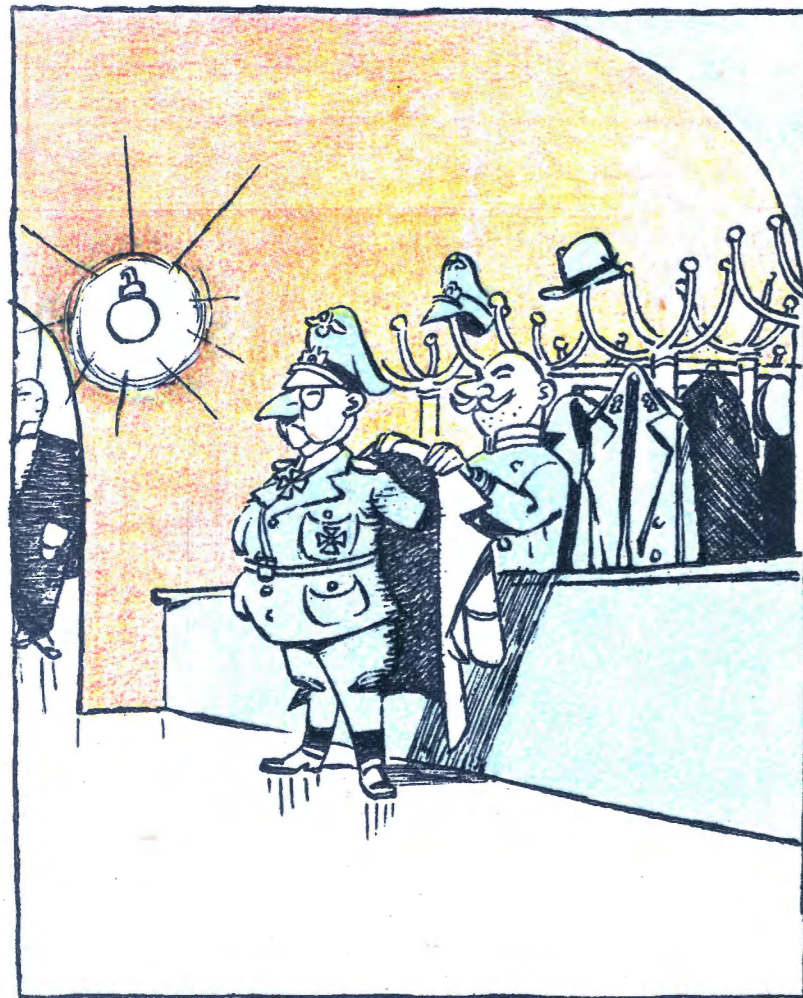
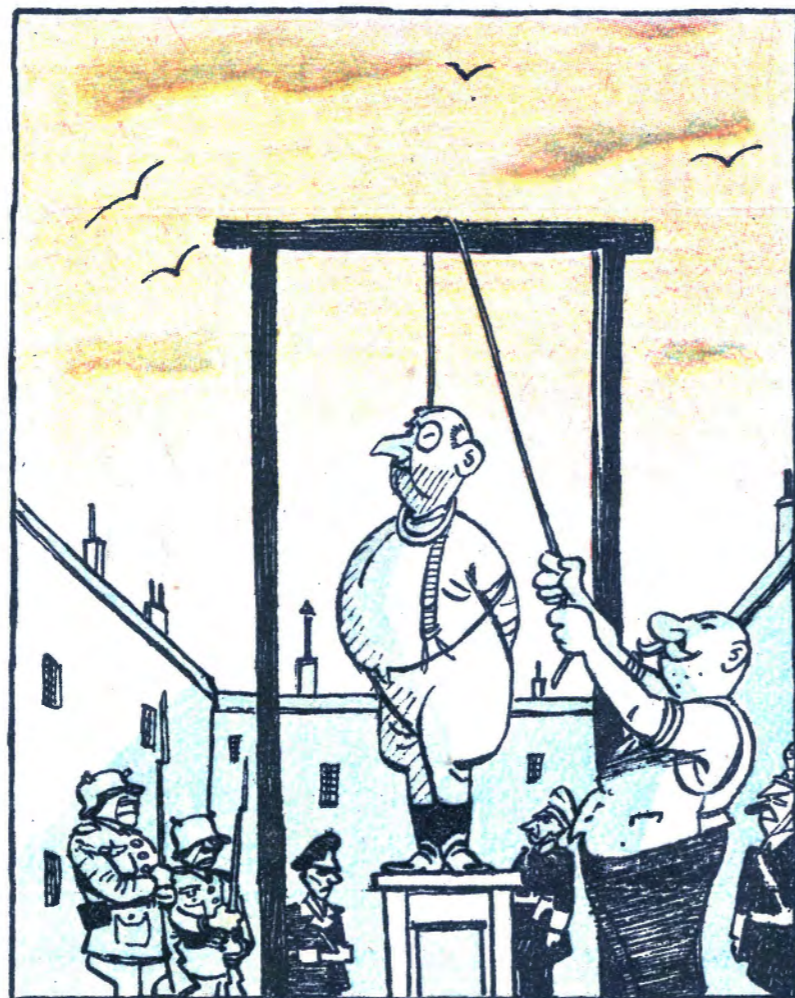

Рис. Ю. Галфа

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Долгие годы Франц Шиккер работал у вешалки. Его мобилизовали...

И после «тотальной мобилизации» Франц Шиккер продолжает работать у вешалки.

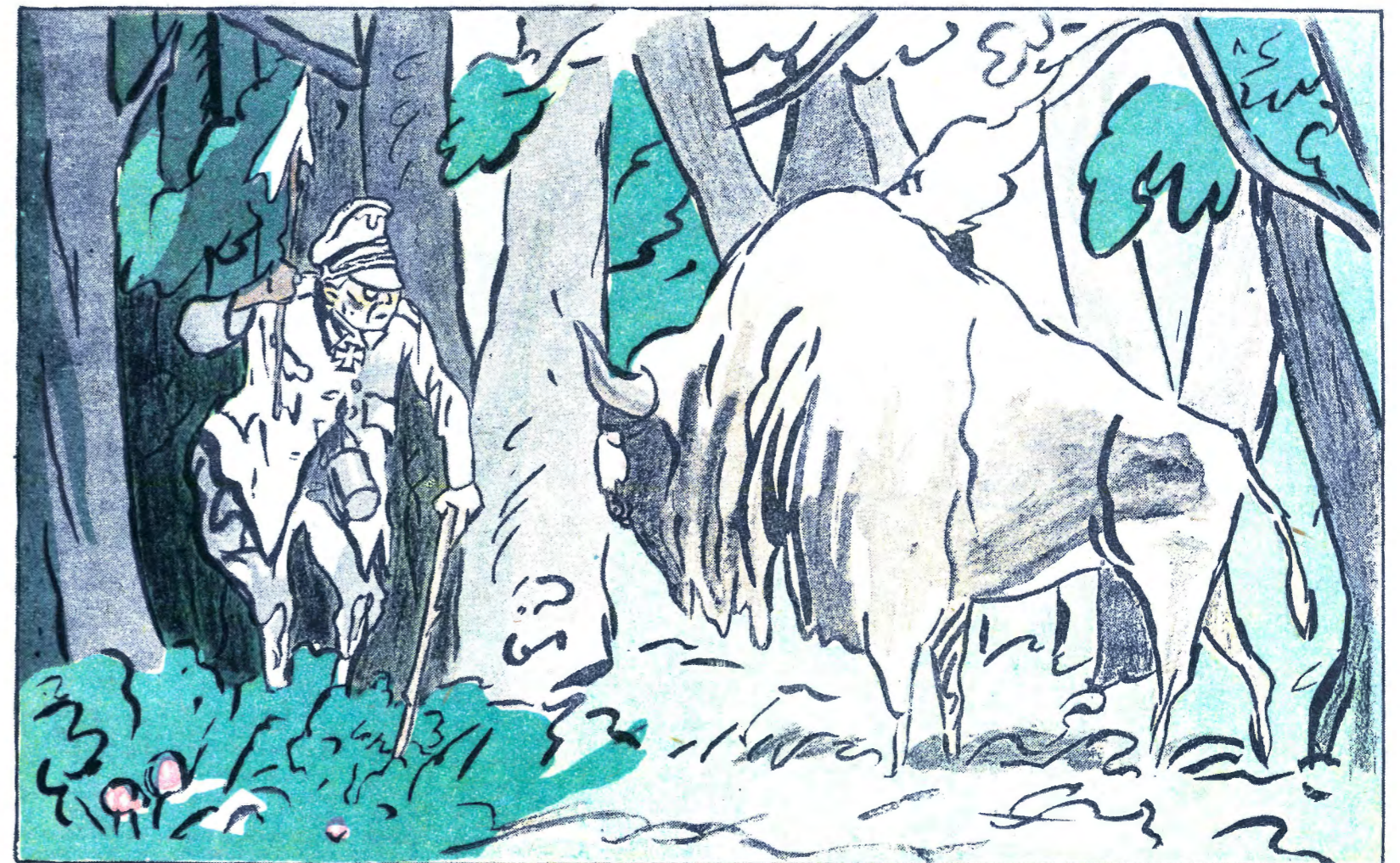

Рис. И. Бродаты

В БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩЕ

ЗУБР: — А я думал, что я здесь один остался!..

Укрывшись за толстыми томами и делая вид, что они очень сильно заняты «освоением классического наследия», некоторые театры предпочитают жить со старыми, проверенными авторами, чем «созидаться» с новыми драматургами.

Рис. Бор. Ефимова

Стойкий ДОТ (Долговременная Оборона Театра).

У меньшого брата

ЭНСКИЙ театральный режиссёр отправился на отхожий промысел в цирк. Там ему предложили поработать с Каран д'Ашом.

— Весь образ придётся переделать заново, — важно сказал режиссёр, выслушав предложение. — То, что он делал до сих пор, нас не может удовлетворить...

— Почему? — удивились в цирке.

— Потому, что это некультурно... Зачем, например, Каран д'Аш кувыркается на манеже?.. В опилках!.. Фи!.. Ведь заслуженный артист!.. Разве вы видели, чтобы в Малом театре заслуженные артисты кувыркались в опилках?

— Да, но у нас же совсем другой жанр... Мы «Волки и овцы» не ставим...

— И напрасно!.. Вообще репертуар Каран д'Аша я решительно пересмотрю... Эти грубые шутки, буфонный юмор... Брр!.. Пусть лучше он что-нибудь почитает с манежа... Например «Убей его» Симонова... Или отрывок из «Войны и мира»...

Кончилось тем, что на режиссёра спустили трёх самых злощих леопардов и одного носорога...

А ведь режиссёр только ошибся адресом. Надо было идти не на Цветной бульвар, в цирк, а на Неглинную улицу, в Гастрольно-концертное объединение. Там бы его встретили, как спасителя, как старшего брата, пришедшего поучать неотёсанного меньшого братишку.

Вот уже много лет, как некоторые театральные режиссёры считают своим долгом спасать эстраду, точно она тонет.

Ну, а с утопающим, как известно, церемониться не приходится. Его прежде всего следует оглушить кулаком по темени, чтобы он не мешал себя спасать, а потом уже тащить за волосы к берегу.

Режиссёр Петкер таким образом притащил к берегу джаз Бориса Ренского. Когда стали разглядывать спасённого, он упал на колени и взмолился:

— Братцы! Товарищи! Руководители! Умоляю, бога ради! Пустите обратно тонуть!

Потому что Петкер проделал с Ренским именно то, что не удалось энскому режиссёру с Каран д'Ашом.

А различные руководители эстрады спокойно посёвывали в кулак и похваливали:

— М-да... Ничего... Вполне культурно...

Слово «культурно» приобрело на эстраде и печальный и обидный смысл. Как будто все удивляются: смотрите, эстрадник, а ведёт себя вполне культурно. Точно речь идёт не об артисте, выступающем в столице, а о ломовом извозчике, попавшем на дипломатический раут.

Один почтенный критик, желая побаловать талантливых Мирова и Дарского высшей похвалой, написал, что они конферируют «вполне культурно»... Как это понять? То, что Миров и Дарский не бранятся в интермедиях? Или не сморкаются прямо на просцениум? И почему это заслуга? Ведь о том же цирке никогда не напишут, например, так:

«Сёстры Кох вполне культурно ходили по проволоке».

Недавно я видел в «Эрмитаже» очередной

опыт режиссёрского спасения эстрады. В этот вечер выступал джаз Шульженко и Коралли.

Правда, сама Клавдия Шульженко появлялась на минутку и тотчас скрывалась, как солнце в ненастный день. Режиссёр М. Яншин, организовавший этот ненастный день, должно быть, поставил своей задачей добиться того, чтобы Шульженко не было видно или хотя бы слышно.

Что он только не делал?! «Растворил» певицу в ансамбле. Прятал в оркестр. Заставлял позировать в каких-то полуживых картинах. Ежесекундно менял живописные задники и непрерывно скрипел тремя занавесами. Или вдруг оборвал хорошую песню на полуслове и потушил свет...

В публике решили, что это перегорели пробки.

Но когда в антракте я пожаловался директору на состояние электрических проводов, он обиделся:

— Позвольте, при чём тут провода? Провода у меня в полном порядке... Это режиссёрский замысел!..

— Ага, значит перегорел режиссёрский замысел?

Директор ещё пуще обиделся:

— Да нет!.. Свет потушили сознательно... По творческим мотивам... Дескать, война неожиданно оборвала лирическую песню на полуслове... Понятно?.. Так сказать, художественный символ.

Но в глубине души у меня всё-таки осталось убеждение, что это был не художественный символ, а плохие пробки.

Если произвести арифметическую раскладку времени, ушедшего на каждый номер, то получится: 4 минуты Коралли объявляет номер, 4 минуты ухлопываются на декоративные эффекты, 4 минуты нужно терпеть игру плохо вымуштрованных статистов и только 3 минуты наслаждаться пением Шульженко...

На вопрос, зачем они так тщательно упаковывают каждую песню в такую плотную обёртку, директор ответил:

— Это не просто песни, а этапы развития джаза...

Два часа нас гоняли по этапу. Тяжело! Когда зрители расходились после этих этапов, у всех был такой вид, точно они только что нанюхались хрену.

А ведь Клавдия Шульженко всегда имела большой успех.

В чём же тут дело?

За кулисами горячился режиссёр:

— Ну да, когда у вас постановочная техника на уровне каменного века!.. Если бы вместо жёлтого софита дали фиолетовый и не опустили задник со шпильем Петропавловской крепости, когда нужен был задник с Исакиевским собором, — был бы огромный успех...

Тогда обозлился заведующий постановочной частью:

— Все равно не было бы огромного успеха!

Режиссёр даже побелел от негодования:

— То есть, как это не было бы?!

— Очень просто... Успех был бы, если бы вас не было!.. Да... Если бы Клавдия Ивановна вышла бы прямо на просцениум и честно спела те песни, которые пришла слушать публика...

— Вы что же, против режиссёра?

— Нет... — сказал заведующий постановочной частью. — Я за режиссёра, понимающего эстраду... Это же — совсем другое искусство... Здесь счёт не на часы, а на секунды... Здесь решает не ансамбль, а острая эстрадная индивидуальность... Здесь не расплывчатое амплуа, а точная и узкая специализация.

Режиссёр махнул рукой:

— Ва! Теория!

— Нет, практика... Вы вон сколько декоративного барахла наворотили, а эстрада не терпит ни одной лишней вещи... И не в софитах дело!.. Понимать надо!..

Не знаю, чем окончился этот спор. Кого признали виновным в неудаче: Яншина, Шульженко, постановочную часть или грубую публику, которая не хочет ходить по режиссёрскому этапу, а желает слышать хорошие песни в хорошем исполнении?

Кисло приходится меньшому брату от такой помощи старшего!

Евг. БЕРМОНТ

Недурная квартирка

Есть на Дону город Ростов. В Ростове на Дону есть горисполком. В горисполкоме — председатель. У председателя — несколько заместителей. Фамилия одного из заместителей — Кириченко. Ей, Кириченко, как женщине чуткой и отзывчивой, поручено заведывание отделом обеспечения семей военнослужащих.

Кириченко крепко взялась за дело. Её девиз — гореть на работе не покладая рук! И чтобы ни безрукости, ни отставания, ни почивания на лаврах! Больше собранности по линии окружения вниманием!

Перво-наперво надо категорически окружить вниманием Екатерину Зенкевич, жену защитника Севастополя.

Где она сейчас, Екатерина Зенкевич, с двумя маленькими детишками? В эвакуации.

Но она может каждую минуту вернуться. Надо срочно проверить: в порядке ли её квартира по Ворошиловскому проспекту, 58.

Она самостоятельно поехала на Ворошиловский проспект, 58. Нет, ничего — недурная квартирка. И все удобства в исправности. И соседи тихие. И вид из окна — на высоком уровне. Вполне можно въезжать. Хоть сегодня. Но к чему торопиться? Лучше завтра.

Назавтра в квартиру и въехала Кириченко. Но можно ли успокаиваться на достигнутых успехах? Ведь Зенкевич может вернуться из эвакуации. Придет, а жить негде. Это непоправимо. Надо позаботиться.

И Кириченко позаботилась: она немедленно приняла меры, чтоб Зенкевич не получила разрешения на въезд в Ростов.

Но уже дважды окружённая вниманием жена фронтовика постаралась вырваться из сего окружения и приехала в свой родной город и вдобавок ещё явилась в свою квартиру.

Тут заведующая отделом обеспечения семей военнослужащих, увидев перед собой семью военнослужащего, сразу осознала, какую непростительную ошибку она совершила: следовало бы дверь держать на запоре и никого не впускать.

А сделав ошибку, надо уметь своевременно её исправить — и Кириченко выгнала вон «непрощенную гостью»...

Но небесудна ростовская земля, как этого хотелось бы Кириченко и тем подхалимам и подхалимчикам, которые, не смущаясь, поздравляли её с новосельем. Зенкевич и её друзья написали в обком партии. Там, конечно, возмущались этим небывалым случаем, и надо полагать, что с председателем горисполкома был серьёзный разговор.

И вот горисполком выносит постановление о том, что в квартире Зенкевич должна жить Зенкевич. Кроме того:

«Принять к сведению заявление тов. Кириченко, что она не возражает против освобождения таковой».

Вот спасибо! Вот удружила! Не возражает... Надо думать, что лишь стремлением к немногословию объясняется тот факт, что в постановлении горисполкома, где так ясно сказано о квартире как таковой, ничего не говорится о поведении Кириченко как таковой.

Льстим себя надеждой, что это будет сделано как-нибудь в другой раз, в более свободное время. А заодно уже придётся потолковать и о работнике горисполкома Сидоренко, который вызвал к себе Зенкевич и задал ей головоломку:

— А! Жаловаться? Всё равно квартиру не получите. Ишь ты её, жаловаться...

Прошло полтора месяца после того, как горисполкому удалось установить, что Кириченко «не возражает». Но в квартире Зенкевич живёт не Зенкевич, а заведующая отделом обеспечения.

Мы спокойны за Зенкевич: она всё же получит свою квартиру. Мы неспокойны за Кириченко: а вдруг не спит она и не дремлет, а всё думает: «Кого бы ещё, это самое... окружить вниманием?»

Г. РЫКЛИН

Рис. Г. Валька

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Народный комиссариат связи отметил 125-летие со дня рождения великого русского писателя И. С. Тургенева и выпустил юбилейные марки. На этих марках Ивану Сергеевичу приписана такая фраза: «Великий, могучий справедливый и свободный русский язык».

Тургенев такой фразы никогда, нигде не произносил и не писал, а потому и никакой ответственности за «справедливый» язык Наркомсвязи не несёт.

В знаменитых «Стихотворениях в прозе» у Тургенева сказано: «Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык». Вот эти слова действительно принадлежат Тургеневу.

Ваше счастье, товарищи из Наркомсвязи, что юбилейная марка не попала на глаза Ивану Сергеевичу. Досталось бы вам от него!.. Он вам, кстати, напомнил бы слова, произнесённые ещё семьдесят пять лет назад: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием».

«Почтительно»... Понимать это надо, товарищи из Наркомсвязи.

М. ПАРХОЛОВСКИЙ

Село Суна, Кировская область.

Уважаемый Крокодил!

Городской совет города Поти день и ночь печётся о благоустройстве своего родного города.

Ну, там бани не в порядке, с тротуарами худо, мосты не в исправности — это мелочь. Нужно сделать для города что-нибудь значительно. Что-нибудь такое, что бы вошло в века.

И сделали. Решили в центре города соорудить огромную площадь на манер столичных городов.

И вот закипела работа. Беспощадно выкорчевываются и вырубаются столетние чинары, дубы, кудрявые липы городского парка, где местные жители с таким удовольствием отдыхали, прячась от зноя и пыли. И уже вырисовываются контуры будущей площади, по которой будут прогуливаться довольные работники горсовета и гордо говорить погитцам:

— Вот мы какие! Что вы имели здесь раньше? Какой-то парк с ненужной никому прохладой и уютom. А теперь вы имеете роскошную площадь, по которой можете гулять согласно правилам уличного движения. Цените и чувствуйте.

А благодарные потийцы почему-то не ценят и не чувствуют. Проходя мимо места, где когда-то был их любимый парк, они недоумевают: зачем понадобилось горсовету истратить миллион с лишним рублей на такое, извините за выражение, благоустройство?

М. ВОРОНОВ,
инженер-майор

Г. Поты.

Товарищ Крокодил!

В последнее время мы у себя на Чукотке получаем от хабаровских краевых организаций всевозможные телеграфные директивы, которые нас буквально ставят в тупик.

На Чукотке, как это известно из всех учебников географии, не сеют, не жнут, и никакие злаки и овощи, к сожалению, из-за суровых климатических условий не произрастают. И всё же из Хабаровска к нам пришла телеграмма: «Срочно телеграфуйте сведения о количестве посевов по основным культурам, отдельно по индивидуальным посевам и огородам».

Не успели мы придумать ответ на эту телеграмму, как пришла новая депеша — от Хабаровского крайздрава: «Организируйте сбор шиповника и ромашки». С таким же успехом нам могли бы предложить собирать лимоны и апельсины, а также потребовать от нас сведения о пропускной способности чукотского метрополитена!

Не имея возможности лично поблагодарить эти организации и лица, проявляющие интерес и заботу о процветании Чукотки, я прошу, дорогой Крокодил, через твоё посредство запросить их всех о том: проходили ли они географию (в пределах четырёх классов начальной школы), а если не проходили, то почему?

Н. ПОЛЯКОВ

Бухта Лаврентия (по радио).

Дорогой Крокодил!

Подкачала бригада механического цеха московской парфюмерной фабрики «Свобода» в социалистическом соревновании. Старалась, работала вовсю, думала: вот-вот завоюет переходящее красное знамя... А получилось совсем иначе. Ребята из косметического цеха утёрли нос механическому. Переходящее знамя досталось им.

— Сколько процентов выполнили? — с завистью спрашивал механический победитель. — Неужели больше нас?

— Какой там! — отвечал косметический. — Вы — 196,2 процента, а мы — только 153,1 процента.

— Так в чём же дело?

— Сами не понимаем. Читайте приказ директора.

И действительно, в приказе № 107 за подписью директора Слепцова сказано, что косметический цех, выполнивший план на 153,1 процента, удостоивается первой премии и переходящего красного знамени; вторую премию получает бригада спеццеха, выполнившая план на 179,2 процента; и, наконец, на последнем месте стоит механический цех, выполнивший план на 196,2 процента.

Вот какие бывают чудеса! Не иначе, парфюмерные ароматы затуманили голову директору.

П. ПАНКРАТОВ

Москва.

ОЙ, ВОЛНА, ВОЛНА МОРСКАЯ!..

Ой, волна, волна морская,
Как слеза солёная!
Сбереги родного друга,
Ты, волна зелёная!

Ты храни его, героя,
Моряка весёлого,
Его сердце золотое,
Золотую голову.

Он идёт в поход тяжёлый
С песнею да с шуткою.
Как меня, зовёт он лодку
Дорогой малюткою.

Под водою солнца нету,
Ходят мины-глубины.
Он сидит в подводной лодке,
Как внутри у рыбины.

Боевых путей опасных
Им немало пройдено,
Сбереги его для ласки,
Для меня, для родины.

Помоги ему ты, море,
Вновь придти с победою,
А врага его лихого
Накажи торпедою.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ЕФРЕЙТОР ХВАСТАЕТ

Рис. Кукрыниксы

— Я один за короткий срок взял в плен больше немецких генералов, чем русские, американцы и англичане за всю войну!

Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКУРЫНИКСЫ (М. КУПРЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 512. Подписано к печати 21/VIII 1944 г. Стафформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А5243. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1917. Тираж 100.000 экз.